

Пролог

...Шмяк. Шмяк. Шмяк... Комья жирной земли нехотя падают на медленно растущий неровный холмик рядом с могилой. Промозгая зябь сырого туманного утра первой половины сентября отнюдь не способствует возникновению обычного профессионального куража, без которого любые физические усилия превращаются в малоприятную трудовую повинность. А помимо зяби имеет место еще одно обстоятельство, в корне убивающее какие-либо намеки на вышепоименованный кураж. Вон оно сидит, это самое обстоятельство: жилистое, кряжистое, с мутным взглядом и здоровенным нерусским пистолетом. Денег за неурочный труд оно не даст, однозначно. Каким-либо другим эквивалентом тоже наделять не собирается — предпосылки отсутствуют напрочь. Остается лишь надеяться, что не пристрелит сразу же по окончании работы...

Трофим покосился на своего молодого подручного, глухонемого башкира Саню, и незаметно сбавил темп. Агрессор с пистолетом произвел на глухонемого неизгладимое впечатление: Саня махал лопатой, как хорошо отлаженный землеройный агрегат. Этак, чего доброго, за полчаса в одну лопату выкинет всю потребную кубатуру! А это слишком рано. Нужно потянуть время, чтобы сырой холодный воздух привел агрессора в чувство, проветрил мозги, затуманенные какой-то дрянью, принятой

накануне. С трезвым человеком договориться всегда легче, нежели с употребившим «дури»...

Трофим незаметно кольнул подручного уголком заступа на лодыжку — тот покосился, несколько секунд наблюдал за старшим, понял, что торопится, и тоже сбавил темп. Агрессор на саботаж не отреагировал — у него появилось занятие поважнее. В этот момент его спутница как раз начала приходить в себя — холод подействовал — и закатила первую порцию вялой истерики. И что вы думаете? Этот башибузук с мутными глазами и здоровенным пистолетом вместо того, чтобы вцепить своей пассивной сочной затрещину и рыкнуть на нее, вдруг перестал наблюдать за могильщиками и принялся нежно гладить капризную по головке, шепча на ушко ей нечто ласково-успокоительное. Боже мой, как трогательно! Какой нежный убийца...

...Шмяк. Шмяк. Шмяк... Холмик медленно, но неумолимо растет. Молочный туман. Кладбище. Рассвет без солнца. Где оно? Украсть за ночь не могли — большое. Видимо, залоббированная бандитами Дума дала команду попридержаться: чтобы ночь была длиннее. Ночь — славное времечко для всякого рода мерзопакостных делишек. Везде пишут: утром наши труп. Или — под утро наши. Ночью, как правило, никто ничего не находит. А почему наши? Потому что плохо спрятали: темно, не видно ни черта. Прятать надо получше. А если не умеешь, поручи это дело профессионалам, тогда никто не найдет...

Трофим в такую рань ломать горб не привык. За тридцать пять лет функционирования в кладбищенской структуре он сформировал для себя вполне стабильную систему взаимоотношений с так называемыми «левыми» клиентами. Эти левые приезжают за полночь на хороших машинах, вызывают сторожа на улицу и светят в лицо фонарем. Зачем светят? Черт их знает, что за прихоть такая, — но непременно тычут фонариком в морду, независимо от сезона и принадлежности к преступным сообществам Белогорска. Так вот: светят в рожу, дают

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

команду достать труп из багажника. Затем опять дают команду — скрытно захоронить, но чтоб непременно по-человечьи. По-христиански. Не угрожают, ствол под ребра не пихают, не требуют хранить молчание и давать клятву верности. За работу вручают приличные деньги и, удостоверившись в выполнении заказа, неспешно убираются восвояси. В общем, ведут себя по-хозяйски, не суетятся.

Вот к какой публике привык Трофим. Которая хочет по-человечьи. По-христиански. Те, которым по-человечьи не надо, своими визитами кладбищенских мужичков не беспокоят. Они оставляют свои неправильно образовавшиеся трупы на месте преступления, на худой конец, отвозят в лесополосу или на свалку и бросают там, как падаля животного происхождения...

Утрешние посетители ввергли Трофима в смущение и изрядно рассердили. Приперлись в неурочное время, «обдолбленные» добре, мужик с ходу треснул по роже пистолетом и велел экстренно приступать к внеплановым похоронам. А то замочит обоих (в смысле, дежурного сторожа — Трофима то бишь, и башкира, который тут же, на кладбище, и жил).

Посетители не были похожи на хозяев жизни, привозивших свои неправильные трупы по ночам. К отморозкам, стреляющим без разбора во все, что движется, они тоже никаким образом не относились. Больше всего они походили на среднестатистических граждан, которые по какому-то недоразумению угодили в беду. В многолетней практике Трофима такие случаи несколько раз место имели, и всегда он бескорыстно помогал бедолагам, у которых на момент возникновения надобности в скрытых похоронах экстренного порядка при себе не оказывалось ни гроша. Потому что добрый он, Трофим, и человечный, несмотря на постоянное общение с потусторонним миром.

Эти двое, несмотря на свою кажущуюся принадлежность к наиболее многочисленной среднестатистической категории законопослушных граждан, на самом деле таковыми не явля-

лись. У Трофима великолепная память на лица. И симпатичной дамочке, что бьется сейчас в нервном припадке неподалеку от могилы, и крепкому мужику с пистолетом, который успокаивает ее, Трофим в недалеком прошлом оказывал услуги. Они, как это часто случается с сильно занятыми своими проблемами людишками, не запомнили похожего на вурдалака редкозубого дядьку — как-то недосуг было. А вот он их срисовал и заприметил. Дамочка, правда, сейчас выглядит по-другому: в тот раз она являла собой образец целеустремленной деловой женщины, твердо знающей, что ей нужно, а в настоящий момент больше похожа на прибитую кирпичом мокрую кошку. Но это понятно — беда сейчас у нее, горе. Горе, как известно, не красит...

Что за услуги оказывал Трофим этой парочке? Да ничего особенного: за стандартное вознаграждение могилку откапывал и гроб вскрывал. Хотели ребятки на покойничка посмотреть. Бывает, знаете ли. Сидит себе человечиска, попивает кофеек со сливками, вдруг бац! — что-то в башку стукнуло. И ломанулся на кладбище, бросив все дела. Покойника смотреть. Ага. Ну, это их личное дело — лишь бы деньги платили. А запомнились вот почему: приезжали в разное время, вроде бы каждый сам по себе. А могилку просили вскрыть одну и ту же. Согласитесь, это уже интересно. Уже интрига. Такие штуки запоминаются.

Так вот, теперь обиженный и рассерженный Трофим решил, как говорит наша молодежь, «приколоться» над странной парочкой. Прикол, правда, больно рискованный — за такие намеки запросто могут жизни лишиться, ежели допрут несвоевременно. Но когда ежедневно общаешься с покойниками, а через двое на третьи сутки почувешь на кладбище, чувство здорового страха перед лицом смертельной опасности закономерно атрофируется. А могильные шутки такого рода становятся явлением если и не обыденным, то вполне допустимым...

Симпатичная дамочка вот так с разбегу успокаиваться не

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

желала. Била кулачком своего спутника по плечу, заторможено мотала головой, пальчиком тыкала в сторону коврика и хрипло, с подвывом, причитала. Спутник — который агрессор — пребывал в растерянности. Пистолет положил на землю, обнял дамочку обеими руками, неловко тряс ее, как разоравшееся грудное беби, бурчал что-то скороговоркой — типа, успокойся, радость моя, скоро все кончится.

Воспользовавшись попустительством надзирающего, Трофим моментально обнаглел: вообще перестал копать, потащил из кармана «Беломор» и, закурив, принялся с интересом наблюдать за свалившимися на его голову «клиентами». В пятнадцати метрах отсюда, у границы элитарного сектора, осталась потрепанная «Нива», на которой приехали «гости». В «Ниве», на заднем сиденье, свернувшись калачиком, спит пацан лет десяти-двенадцати. Мальчишку эти проходимцы тоже чем-то угостили: такая возня была, шум, а он даже глазом не моргнул, сопит себе с присвистом. Там же, на заднем сиденье, только у другого окна, сидят две здоровенные страхолюдные псины с лохматыми мордами. Втроем на заднем сиденье некомфортно — тесноват салон у «Нивы». Тем не менее псы терпят лишения дисциплинированно — не скулят, сидят тихо, только таращатся с любопытством в окно. Шерсть на лохматых мордах торчит во все стороны сосульками, как будто накануне псов окатили чем-то липким. Глаза шалые — создается такое впечатление, что нерадивые хозяева, сами употребившие ударную дозу «дури», и собак ширнули за компанию. Сволочи, не люди!

Так, теперь коврик. Коврик достали преждевременно. Опытный в таких делах Трофим сразу предупредил агрессора: давай сначала выкопаем могилу, потом достанем коврик. Дабы не возникло проблем. Агрессор доводам не внял — не в том состоянии был. Результат налицо. Коврик — точнее ковер что-то около 2 на 3, свернутый в толстый рулон и некрасиво подогнутый на треть — в багажник пихали, лежит рядом с могилой. Ле-

жит неровно, из него подтекает, и всем это видно — в том числе и дамочке. Вот вам и истерика. Слушаться нужно опытных людей! Пистолетом по роже бить вы все мастера...

— Чего выдупился?! — Агрессор на миг выпустил даму из объятий и сурово прикрикнул на произвольно покуривающего Трофима. — Работать!

— Не гони, начальник, — миролюбиво прищурился Трофим, пуская из ноздрей рваный клочок сизого дыма. — Ща перекурю, потом по-быстрому...

— Работать, я сказал! — грубо оборвал агрессор, подбирая пистолет и направляя его на Трофима. — А то я тебе сейчас устрою перекур!

— Замочишь? — живо поинтересовался Трофим, внимательно наблюдая за выражением глаз агрессора. — А мочи. Вас тут много ходют — таких вот. И все замочить могут. Мочи — сам конать будешь!

Башкир сути разговора не уловил, но, мельком глянув на сердитого посетителя, понял, что пахнет жареным. И тут же удвоил усилия — замелькал лопатой, словно компенсируя простотой старшего. Только укоризненно покачивал квадратной башкой: мод, рисковый ты дядька, Трофим, с огнем играешь!

— Не будешь, значит, работать? — зловеще понизил голос агрессор.

— Почему не буду? — все так же миролюбиво удивился Трофим, нахально выдувая дым из волосатых ноздрей. — Ща докурю, и по-быстрому сварганим тебе кубатуру. Ща, не гони — успеем.

— Ладно, перекуривай, — неожиданно сдался «гость», опуская пистолет. — Только живее — время поджимает.

— Не бойсь, успеем, — подмигнул Трофим, выдувая в природу особо сочный клуб сизятины. — Мастера, как-никак — живем этим...

Вот так, прав оказался пожилой могильный червь. Час назад

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

парень выпростался из машинного тепла, ничего не соображал, опасен был и непредсказуем. А сейчас доспел: быстро протрезвел на холодке, обрел нормальные человечьи черты и, судя по всему, готов идти на уступки.

Трофим довольно крякнул и потер заскорузлые ладони. Ага! Есть возможность сорвать куш и не делиться при этом с заведующим. Это ведь только на непросвещенный взгляд может показаться, что дежурный сторож с подручным по своему произволу развлекаются по ночам такого рода внеплановыми работами, зарабатывая себе на пол-литра. На самом деле каждая двойная могила находится на учете у заведующего: у него даже схема есть, которая сама по себе наверняка имеет большую практическую ценность для определенной категории граждан. Нет, заведующий — старый еврей Либерман — никогда не интересуется: кто приезжал, кого привезли, при каких обстоятельствах и так далее. Любопытствовать подобным образом крайне опасно: грустный пример троих предшественников Либермана до отвращения красноречив и убедителен. Заведующий — умный мужик, он просто сообщает сторожам, какие могилы уже давно не посещают родственники усопших. Заметьте — никакого намека на криминал. Не посещают, и все. Сектор три, второй участок — такие-то и такие-то. Забыли сыновний долг. Если вдруг что — я ничего не знал, сторожа сами. Ага. А по утрам, приходя на работу, лениво интересуется: как там у нас дела? А, взносы на строительство храма! И опять благодарные посетители в ящик с дыркой опустили, что на входе стоит? Ну, давайте, куда от вас деться. Давайте-давайте, передам в приход. А третий сектор, говорите, кто-то навещал? Ну, отметим. Молодцы. Возобладало-таки чувство к усопшему родителю над меркантильными сиюминутными интересами. Ага...

Вот так. А могилку, что сейчас оскверняет Трофим с глухим башкиром, заведующему можно не сдавать. Железное правило Либермана гласит: не использовать для «левых» захо-

ронений могилы, которые хотя бы единожды вскрывались для эксгумации. И Трофим обычно всегда придерживается этого правила. Но в настоящий момент можно сделать исключение. Могила эта — ОСОБАЯ...

...Через некоторое время штык лопаты башкира глухо стукнул по дереву. Глухонемой почувствовал разницу, замер на секунду и поднял глаза на старшего.

— Все нормально, — жестами успокоил подручного Трофим. — Стрелять нас пока не собираются. Подчищай... — и полез из могилы, опираясь на лопату.

— Что? — встрепенулся «гость». — Опять курить?!

— Закончили, — лаконично бросил Трофим, приближаясь к ковру и по привычке разминая плечи. — Ты б ее отвел в машину, — он кивнул в сторону дамы, которая тихо всхлипывала и раскачивалась, пытаясь унять ознобную дрожь. — Ша потащу — опять разорется. Увел бы? Тут делов осталось на десять минут.

— Я куда не уйду, — пискнула дама, тревожно всхлипнув. — Я хочу посмотреть, как вы положите...

— Как-как! — буркнул Трофим, наклоняясь и хватая ковер за подогнутый конец, более чистый на вид. — Как всех — ногами к кресту. Ну, в смысле, к камню. Ну, поехали, родимый!

«Родимый» оказался легче, чем ожидалось. Трофим рванул, примериваясь на средней упитанности мужика, не рассчитал усилие и первые три шага смешно пятился пробежкой.

— Недомерок какой-то, — буркнул сторож, подтаскивая ковер к могиле. — Или баба?

— А гроб? — внезапно озарилась истеричка. — Вы что, так и положите — в ковре?

— Тьфу, ядри ее в корень! — досадливо сплюнул Трофим, присаживаясь на корточки рядом с ковром и отирая потный лоб. — Ну и где мы те ща гроб достанем?

— Нету гроба? — с тоской в голосе поинтересовался агрес-

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

сор, даже не предприняв попытку унять свою распоясавшуюся пассиву. — Может, какой-нибудь заваялся? Ну, бракованный там, или как... А?

Трофим отрицательно помотал головой и опустил взгляд — отчего-то вдруг неловко стало, что соврал. Да, зажал гроб сторож. На веранде похоронного бюро, что отстояло всего-то на триста метров от ворот элитарного сектора, сохли семь стандартных домовин для простого смерда. Запросто можно было бы сходить туда с башкиром и притащить. Но — жалко. Плотникам надо будет деньги отдавать, а получится ли снять с агрессора плату — бабушка надвое сказала.

— М-м-м! М! — замычал вдруг из могилы башкир, оживленно размахивая руками и кивая в сторону бюро. — М-м-м!!!

— Чего это он? — насторожился «гость» с пистолетом.

— Да по башке трахнутый, глухонемой! — досадливо скривился Трофим: судя по выражению лица, башкир понял, чего хотят «гости», и неожиданно решил оказать им безвозмездную помощь. Не иначе, с перепугу, бедолага!

— Глухонемой, говоришь? — отчего-то обрадовался агрессор и принялся строить Сане упорядоченные гримасы, быстро мелькая пальцами у лица. Башкир часто закивал, ощерился в улыбке и давай семафорить в ответ с такой же скоростью. Трофим, общавшийся с глухонемым не первый год, ничего из этой невербальной скороговорки не понял, обиделся и раздраженно потащил из кармана «Беломор».

— Он принесет гроб, — сообщил агрессор пару минут спустя — башкир выкарабкался из могилы и вприпрыжку припустил к похоронному бюро. — Я дал ему пять минут. Плюс минута — резерв. Если твой подручный не управится за это время, я буду считать, что он удрал и... в общем, буду вынужден тебя убить.

— Совсем чиканулся?! — обескураженно воскликнул Трофим. — Как он тебе в одиночку домовину припрет за пять ми-

ЛЕВ ПУЧКОВ

нут? Она ж тяжелая! Да и крышка там! Он тебе все это добро полдня тащить будет!

— Он сильный, — невозмутимо заявил «гость». — Я не настаивал — он сам вызвался. А двоих я вас отпустить не могу — сам понимаешь...

Башкир успел. Не прошло и пяти минут, как со стороны ворот показался накрытый крышкой некрашенный гроб, неспешно плывущий по аллее на могучей спине глухонемого.

— А... — разинул было рот Трофим, оборотившись к агрессору.

— Я ему сказал, чтобы веревку тоже принес, — предвосхитил возможный вопрос «гость» и мрачно подмигнул совсем уже протрезвевшим глазом. — Ты не переживай — все будет нормально.

— Хорошо — гроб, — деревянным голосом напомнила о себе вроде бы слегка успокоившаяся дамочка, таращасть остекленевшими глазами на Трофима с башкиром, отдиравших нависшую гвоздями крышку. — Это хорошо... Это по-нормальному... Почти что по-нормальному... Это...

— Увел бы, — угрюмо буркнул Трофим, не глядя в сторону парочки. — Гляди — в ковре не ползет, разворачивать будем. Опять истерику закатит.

— А вы попробуйте, может, ползет, — не послушался агрессор. — Гроб большой, а труп... гхм-кхм... ну, в общем, попробуйте.

— Чего тут пробовать! И так видно... — возразил было Трофим, но, напорвшись на непреклонный взгляд мужика с пистолетом, безнадежно махнул рукой и кивнул башкиру: давай, раз-два, взяли!

Прав оказался сторож, не подвел наметанный глаз. Коврик в домовину помещаться никак не желал — как взяли, так и положили обратно.

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

— Я ж сказал! — бросил Трофим. — Ну и что теперь? Уводи, будем разворачивать.

— Я никуда не пойду! — хриловато взвизгнула дамочка, отталкивая своего спутника, который попытался было поднять ее с земли. — Я хочу видеть, как вы положите!

— Давай, разворачивай! — скомандовал агрессор, обнимая дамочку и таким образом пытаясь перекрыть ей сектор наблюдения. — Давай — только быстро, на три счета!

Могильщики резво развернули ковер. Внутри оказался щедро залитый кровью труп молодой, изящно сложенной женщины в изорванном пеньюаре на голом теле.

— От бля, изверги — такую красоту загубили! — тихо ругнулся Трофим, подхватывая труп за ноги и кивая башкиру, чтобы брал под мышки — грязная работа молодому, положено так. — Вы что ее — зубами грызли?! — сказал, не подумав, и осекся — медленно перевел взгляд на двух липких псов, выглядывающих из «Нивы».

— Ну ни хера себе... — выдохнул сторож, осторожно укладывая свою половину в гроб, и, стараясь не смотреть в лицо покойницы, потянулся за крышкой. Трофим никогда не смотрел на лица «клиентов» — старики учили, что следует избегать этого, а то сниться будут.

Башкиру Трофим в свое время также разъяснял, отчего не стоит глазеть на лики умерших, но Саня был еще молод, глуп и наставлениям старших, как это подчас случается в таком возрасте, внимал без должного прилежания. Поместив свою половину в деревянное ложе, он тоже было потянулся за крышкой, как это сделал начальник, но несколько замешкался и, воспользовавшись случаем, не преминул рассмотреть мертвую женщину. Любопытство обуяло. Тело молодое, прелестное, приковало взор ущербного парня — даром что в посмертном слепке страшной агонии застыло тело, а ведь не утратило от этого какой-то нездоровой, специфической привлекательности!

Да, зря он это сделал. Не стоит смотреть на лица умерших, если в этом нет крайней необходимости. Нужно следовать советам старших, даже если эти советы тебе преподносят в форме корявой жестикуляции, далекой от совершенства...

Несмотря на то что гортань покойницы была разможена, а тело ниже уровня шеи сплошь залито кровью, лицо ее практически не пострадало. Саня три раза хлопнул густыми ресницами, всматриваясь в это лицо, озабоченно нахмурился и перевел взгляд в сторону дамочки-истерички, которая упрямо высовывалась из-за плеча мужика с пистолетом, пытавшегося загородить от нее погребальное действо.

— М-м... — башкир встретился взглядом с дамочкой, поперхнулся и, поблбеднев, как внутренность кокоса, начал вдруг хватать ртом воздух, будто его внезапно поразил приступ астмы.

— Ну че ты застрял?! Слюной подавился, что ли? — досадливо воскликнул Трофим, заметив некоторое несообразие в поведении своего подручного и, ничтоже сумняшеся, гулко хлопнул его широченной ладонью промеж лопаток.

Башкир утробно икнул, пришел в себя и, ухватившись за противоположный конец крышки гроба, на автопилоте принялся помогать старшему. В сторону парочки, давшей им работу, он более смотреть не хотел, так же, как не желал заглядывать в лицо покойницы. Отпала охота...

Когда работники придали могильному холмику подобие прямоугольника, мужик с пистолетом вздохнул с облегчением и, приблизившись к надгробному камню, поинтересовался:

— Могилка-то чья? Ну, в смысле, если это... ну, если мы захотим навестить, или... — Он не договорил, отчего-то смутился и протянул руку, чтобы сорвать Трофимову фуфайку, умышленно наброшенную на камень так, чтобы скрыть надпись.

— Это пустая могилка, — напрягшись, соврал Трофим и втянул голову в плечи: сейчас его «прикол» может вылиться в самые непредсказуемые последствия. — У нас тут много таких —

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

резервных. А на камне можно выдолбить все что угодно. Скажи — что, мы сделаем.

— Пустая? — Мужик опустил руку, пожал плечами и, растерянно оглянувшись на свою спутницу, спросил: — Что написать-то? Или не стоит?

— Стоит, — упрямо поджала губы дамочка. — Пусть напишут: «Здесь лежит Ли». Две буквы. «Эл» — «и». Понятно?

— Понятно — Ли... Корейка, что ли? — уточнил Трофим.

— Тебе какая разница? — Мужик сунул пистолет за ремень и пошел к своей спутнице. — Напиши, что сказали, дурных вопросов не задавай... Пошли, солнышко мое, нам нужно спешить. Хватит смотреть туда — все уже. Все, все — вставай...

На этот раз дамочка противиться не стала: послушно поднялась, дала мужику обнять себя и потопала к стоящей на аллее «Ниве», не оглядываясь.

— Пять штук с вас. За срочность, — буднично бросил им вдогонку Трофим и опять втянул голову в плечи: как-то отреагирует агрессор?

— Нету денег, дядя, — извини, — не останавливаясь, бросил через плечо мужик с пистолетом. — Как-нибудь в другой раз.

— Другого раза может и не быть, — нравоучительно заметил Трофим и, моментом обнаглев, предложил: — А вот пистолет у тебя... Чужой пистолет, судя по всему. Ну видно: не идет он тебе. Импортный, дорогой. А с чужим пистолетом нехорошо — мало ли... А? А то не по-христиански так. Не по-людски. А?

— Совсем оборзел, фимоз? — Мужик остановился, несколько секунд сверлил взглядом морщинистый лик пожилого сторожа, затем как-то неопределенно хмыкнул, выдернул пистолет из-за пояса и, вылуштив обоим из рукоятки, бросил красивый кусок металла на аллею.

— Возьми, дядька. Пусть будет все по-человечьи. Зла не держи за грубость — маленько не в себе был, сам понимаешь...

Проводив взглядом «Ниву», Трофим подобрал пистолет и,

взвесив его на ладони, сунул за пазуху. Получилось! Могильщик понимал толк в ценах на оружие: неоднократно приходилось продавать взятые с «левых» трупов стволы, время такое. Ствол классный — потянет как минимум на штуку баксов. Не зря работали, терпели унижение и страх от агрессора. И вообще: все сегодня получилось как задумал — хотя могли запросто шлепнуть как минимум пару раз: в самом начале, когда еще под кайфом были, и при конце, если бы вдруг обнаружилось, что за могилку им предложили...

Трофим вернулся к могилке, показал башкиру жестом: собирай инструмент, уходить пора. Затем стянул с надгробного камня фуфайку, набросил на плечи и задумчиво прищурился на выбитую на граните витиеватую надпись: «Толхаев Григорий Васильевич, 1956—1998 гг.»

— Покойся с миром, дочка, — тихо буркнул сторож, направляясь вслед за башкиром прочь от могилы. — Никто тебя не потревожит — ни хера мы тут писать не будем. Обойдутся...

Глава 1

В трехкомнатном люксе «Европы» — лучшей представительской гостинице Белогорска — висел на двери человек. Дверь была межкомнатная, человек весил пудов пять как минимум, болтался уже вторые сутки, и петли повело: теперь распахнутая дверь краем нижнего обреза упиралась в пол, и с места ее сдвинуть было невозможно. Висел человек... Казалось бы, подумаешь, висит себе и висит: в последнее время каждый второй суицидер цепляет ремешок на дверь, чтобы в последний раз подрыгать ногами — лень им, паразитам, люстру снимать! Но в данном случае речь шла не о стандартном самоподвешивании: человек был жив, умирать совсем не хотел, а на дверь его при-

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

способили нехорошие люди — силком, не спросив на то его соизволения.

Звали человека Рома, имел он от роду тридцать пять лет и в недавнем прошлом был хорошо известен всему криминальному миру Белогорска (а это вам не хухры-мухры, Белогорск — областной центр с двухмиллионным населением, люди здесь живут по большей части не бедные и каждый двадцатый, если верить статистике, вор или бандит).

Рома был ближайшим доверенным лицом тутошнего вора Коша, которого недавно ликвидировали в рабочем порядке. Сначала взорвали оборонительной гранатой, а потом для верности сделали контрольный выстрел в голову. На дверь Рому подвесил приехавший в Белогорск для «разбора» вор Турды, и сделал он это вовсе не из садистских наклонностей, каковые, несомненно «центровому» авторитету в известной степени были присущи. Просто Турды был обязан досконально разобраться в обстоятельствах происшествия и выяснить, как все случилось на самом деле — а Рома оказался сильно виноват. В чем? Да в том, что совершенно случайно остался в живых, когда должен был умереть вместе со всеми, а теперь вместо того, чтобы на ходу «лепить» красивую и правдоподобную «отмазку», выложила новому вору всю правду...

— Ну что, Рома, ты еще не дошел? — по-отечески ласково поинтересовался Турды, поправляя подушку и удобнее устраиваясь на диване.

— Форшмак козлиный! Пропало твое очко — я те отвечаю. Ар-р-р... — неожиданно прохрипел подвешенный. — Сними, я больше... больше...

— Больше не будешь фуфло гнать? — живо подхватил вор. — Так я понял?

— Больше не хочу висеть! — просипел Рома и, закатив глаза, начал тонко подвывать, судорожно потряхивая чудовищно распухшими от битья ступнями. — Снимите, суки! Мне пора гу-

лять! Положено гулять, положено! В распорядке прогулка есть, на опросе хозяину будем жаловаться! А-а-а-а!!! Выпустите — западло с ментами в одной хате! Выпустите...

— Кажется, дошел, — удовлетворенно пробормотал Турды, тактика допроса, избранная им, оказалась правильной.

Мытарь⁴ подвесил Рому на двух простынях по всем правилам палаческого искусства: несмотря на страшное напряжение тела, причинявшее жертве и безо всяких пыток ужасные страдания, циркуляция крови в организме не нарушалась, что являлось важным условием для продолжительного допроса. Повисев немногим более суток, Рома впал в коматозное состояние: за это время его многострадальную плоть умело рвали клещами, прижигали каленым железом, терзали крючковатыми иглами и жарили сетевым электротоком. Видавший виды уголовник первые несколько часов страшно страдал: во-первых, обидно было до слез, что так с ним обращаются свои же братья-бродяги, и самое главное — ни за что! До того обидно, что рычал как зверь и хотел всех погрызть — в связи с этим свита «вора» для усмирения сильно отдупила собрата по ремеслу. Во-вторых, мытарь «вора» по кличке Малой — маленький шустропиздый мужичок с умненькими глазками на смуглом рябоватом лице — свое дело знал в совершенстве и сноровисто, шаг за шагом, по капельке, выжал из тела жертвы всю боль, на какую оно оказалось способно.

Правильно его повесили на дверь — ребята опытные, понимают, что к чему. Внизу Малой расстелил большой кусок целлофана, края загнул коробочкой, зажигалкой проплавил и приклеил — Рома сначала не понял, для чего это. Такими штуками в Белогорске не баловались, если кого и допрашивали с пристрастием, то по-простому, по-домашнему: били повсеместно,

---

⁴ Мытарь — палач (*жарг.*).

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

пока не сознавался, на худой конец, маленько рвали не те зубы вместе с деснами дантистскими приспособлениями (покойный мытарь Штырь горазд был на такого рода дела) или тривиально пихали паяльник в задницу. Бывало так, что допрашиваемые от сильной боли писались и опорожняли кишечник — так для этого штаны есть, целлофан-то зачем?

Целлофан Малою не зря положил — в этом Рома убедился спустя несколько часов. За это время его сильное сытое тело, невыносимо страдая от дикой боли, отдало как минимум с десяток литров жидкости: кровью, едким потом, вязкой слюной, мочой и экскрементами. Умный мытарь Малою — видать, не один десяток людишек на двери заморил, исчадие ада — каждые полчаса подносил к губам жертвы полную кружку с водой, приговаривая:

— Пей, касатик, пей — тебе еще долго висеть...

Попойт, брызнет остатками воды в лицо, и опять тупыми клещами за оголенную мышцу — цап! Дико кричал Рома, захватывая от боли и бессильной ярости, переполнявшей душу. Слученных всегда люто презирал, но в этот раз горячо молил своего воровского бога, чтобы кто-нибудь услышал снаружи его вопли, вызвал ментов и те прекратили бы это целенаправленное надругательство над плотью. Напрасные надежды: трехкомнатный люкс как раз и оборудовали для «новорусских» любителей оторваться на полную катушку. На полу — ковры с высоким ворсом, потолок и стены отделаны стилизованным под дерево звукоизолирующим материалом, двойная дверь с тамбуром, окна, опять же, с такой шумовой изоляцией, что закрой его — и грохот танка на улице не услышишь. Бывало, в таких номерах всю ночь напролет гудела разухабистая компания, песняка давили хором, отплясывали голяком на столе, девки визжали, как резаные, — а соседи по коридору спокойно спали, и не подозревая, что рядом кто-то этак бурно развлекается. Так что кричи не кричи — один черт, никто и не почешется...

Турды и трое его подручных на зловоение, издаваемое Ромой, внимания не обращали — люди бывалые, привыкшие ко всему. Сидели в одной комнате, «работали», выбивая из жертвы правду, тут же ели, отдыхали, смотрели телевизор и забивали «косяка». Вот только что баб не таскали в номер: бабы — лишние свидетели.

Но всему есть предел. Терзаемая плоть перестала должным образом реагировать на механическое воздействие — привыкла плоть, притерпелась. Наступил такой момент, когда психика жертвы достигла порога полной истощенности, жертва больше на боль внимания не обращала, а впала в меланхоличную галлюцинаторную истерику: висела себе потихоньку, с головой утонув в океане страданий, несла полную околесицу и никак не реагировала на окружающий мир. Момент этот как раз и пришелся на утро вторых суток с начала экзекуции.

— Ну-ка, попробуй, — Турды кивнул мытарю и ткнул пальцем в сторону висящего.

Малой взял со стола щипцы, приблизился к жертве. Зацепил торчавший из рваной раны на передней поверхности бедра измочаленный фрагмент обескровленной мышцы, потянул. Рома вяло дернулся, вскинул голову и, глядя перед собой пустыми глазами, неожиданно продекламировал речитативом:

— А про волюну, че тебе я подарил, мне рассказали люди на командировке. Ее таскать теперь накладно и неловко, ведь той волюной кто-то Коша завалил...

— Ништяк, — Турды подмигнул мытарю и распорядился: — Снимайте. Тащите в ванную, мойте, дыры обработайте. Но сначала уберите из-под него эту парашу и распакуйте окна — пусть проветрится.

Подручные принялись за работу. Турды поудобнее растянулся на диване, потянул из пачки готовый слабенький «косяк», задымил и принялся размышлять.

Размышления были нерадостными. Белогорск — определен-

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

ная «сходом» вотчина для Турды — встретил его крайне непри- ветливо. Куда ни сунь, везде афронт, что вполне закономерно, когда устоявшаяся система взаимоотношений вынуждена при- нимать в свои ряды насильственно навязанного ей чужака. Предшественнику его — Кошу — было не в пример легче. Он родился и вырос в Белогорске, здесь учился в школе, впервые сел на малолетку, здесь получил второй срок — уже на «взрос- лья», — здесь же «трудился» всю оставшуюся жизнь и зарабо- тал непререкаемый авторитет матерого вора. Белогорская «об- щина», возглавляемая Кошем, являлась своего рода уникамом среди других подобных образований России. Во-первых, вся местная блатота была образована в довольно жесткую структу- ру по примеру современных бандитских ОПГ¹, беспрекословно подчинялась «папе» и, имея в своем составе много активных «бойцов», составляла таким образом серьезную конкуренцию не только областным бандитам, но и любому другому крими- нальному сообществу даже в более крупных городах Федера- ции. Во-вторых, покойный ныне Кош являлся полноправным членом некоего сообщества, именуемого в обиходе наблюда- тельными гражданами Белогорска не иначе как Первый Аль- янс. В сообщество сие входили два самых богатых и влиятель- ных человека области — банкир и газонепереработчик, а также лицо, напрямую связанное с эшелонами верхней вла- сти, — хозяин объединенного ЧОП «Белогорпроект», он же единственный и горячо любимый сын губернатора (и тоже ны- не покойный, увы). Хороша компания? Вор, два миллионера и тотальная «крыша» — губернаторский сынок, у которого, ко всему прочему, под рукой постоянно имеются обученные воо- руженные люди, зарегистрированные по всем правилам разре-

---

¹ ОПГ — организованная преступная группа (*аббр.*).

шительной системы. Представляете, какое положение в обществе занимал этот так называемый Первый Альянс?

Прибыв в Белогорск, Турды, как полагается, первым делом произвел рекогносцировку на местности, включавшую сбор информации и знакомство с персонами. Узнав о существовании Первого Альянса, новый вор — ярый приверженец рациональной логики — пришел к выводу, что в природе областного центра присутствует также и Второй Альянс. В противном случае люди не стали бы так обзывать лидирующее сообщество, говорили бы просто: банда, верхушка, мафия и так далее. Так оно и оказалось: сообщество № 2 также существовало, в состав его входили, опять же, два богатых человека — коннозаводчик и владелец фармацевтического комбината, представители местной прокуратуры и предводитель самой крупной бандитской группировки Белогорска. Два этих сообщества функционировали параллельно, между ними постоянно происходили разнообразные трения на грани возникновения открытой военной конфронтации, но до недавнего времени в регионе явно доминировал Первый Альянс. У этого образования все было на порядок выше, нежели у супостатов: финансы, силовые резервы, влияние и власть. Но только до недавнего времени... Обострившаяся конфронтация между сообществами и непонятное вмешательство какой-то третьей силы существенно сместили расстановку акцентуры: с одной стороны, были убиты вор и сын губернатора — «силовик» и «крыша», с другой — «фармацевт» Толхаев. Помимо всего прочего, Второй Альянс попал на большие деньги, и до сих оставалось загадкой, кто конкретно их «кинул» — то ли та самая пресловутая третья сила, то ли кто-то из Первого Альянса.

Одним словом, на данный момент в неформальной областной табели о рангах имел место зыбкий паритет. И новоприбывший вор собирался его порушить. Но сначала необходимо было завоевать соответствующий статус и любыми доступны-

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

ми способами выбить у сильных людей Белогорска уважение к своей персоне. Потому что попытка утвердиться обычным порядком неожиданно сорвалась — в этом плане у Турды возникли серьезные проблемы, о которых его никто не предупредил.

— Кто ты? Вор?! А почему на свободе? Вор должен сидеть в тюрьме! — вот так неласково встретил нового пахана Николай Алексеевич Пручаев, председатель правления «Белогорпромбанка» и его фактический хозяин, признанный специалист в области финансовых махинаций, глава так называемого Первого Альянса.

— Вы с Кошем дела делали, — растерянно вымолвил Турды; не ожидал он, что с вором могут обращаться так непочтительно. — Теперь его не стало. Я буду вместо него: ну, «крыша» там, проблемы какие, может, наезжать кто станет... В конце концов, меня сюда российский сходняк поставил — в Минводах «стол» собирали!

Пручаев посмотрел на собеседника, как на тяжелобольного, и походя истоптал его самолюбие, умудрившись при этом не оскорбить и проявляя незаурядное владение информацией — знал, сволочь, как себя вести с подобной категорией:

— Извини, братец, но в этом городе ты пока никто. Охрана у меня есть, проблемы решаю сам. Какие могут быть наезды? Разве что если ты наезжать станешь, чтобы показать свою нужность. Так это не проблема. Будешь неправильно себя вести, я звякну кое-куда — а я не последний человек в Федерации, — и тебя быстренько поправят. Как раз те же, кто тебя сюда и определил. И потом: если меня правильно информировали, тот же самый сходняк в Минводах и короновал тебя — до этого ты вором не был. Так, нет? Можешь не отвечать — сам знаю, что так...

— Какая разница, когда короновали? — с немалой досадой воскликнул Турды — банкир попал в точку, новый пахан Белогорска был ни разу не тянувшим срок скороспелым «апельси-

ном», которого возвели в ранг по рекомендации московских воров. — Вор, он и есть вор!

— Согласен. Несмотря на веяния времени и явный для всех архаизм воровских «законов», эта «должность» до сих пор имеет довольно высокую котировку на рынке услуг. Вор — это фигура. Это солидно, это своеобразный капитал, это очень нужный человек, расположения которого ищут многие сильные мира сего. — Пручаев развел руками и помахал вокруг себя, показывая, какая, по его мнению, это должна быть здоровенная фигура — вор. — Но... но ты сначала стань им, братец. Прояви себя, чтобы о тебе люди заговорили, чтобы все знали — эмм... как там тебя? Ага, вот — чтобы все знали: Турды сказал то-то и то-то, значит, так и будет — его слово закон! Ты хозяином стань, братец, Капиталистом. Тогда я сам приду к тебе и попрошу стать партнером. Тогда я буду твою толстую черную мошну перелицовывать в белоснежный кредит. А пока — извини, ты мне не нужен...

Примерно такой же отлуп получил Турды от другого члена Первого Альянса. Иван Владимирович Логвиненко — генеральный директор регионального отделения РАО Газпром, председатель правления ЗАО «Белогоргазоконденсат», в отличие от банкира, красноречием не страдал. Он долго и внимательно смотрел на визитера, затем почесал за ухом, сочно зевнул (Турды явился после обеда — как раз такое время, что ну их в задницу, посетителей всяких, — поспать бы часок!) и недоброжелательно уведомил:

— Ты не по адресу, парень. Ну ты сам подумай, какая может быть связь между Газпромом и уголовниками? — А потом выслушал доводы вора, полностью их проигнорировал и на всякий случай предупредил: — Ты делай что хочешь — мне без разницы. Но смотри: начнешь левый бензин из Ингушетии гнать, тебя тут же поправят — и не отсюда, а оттуда, — и потыкал пальцем в потолок, нажал на кнопку и благообразно сложил ру-

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

ки на груди, прикрыв глаза. — В общем — хао, я все сказал, Бычий Куньк.

Вошли двое здоровенных мужланов в хороших костюмах, но с физиономиями отъявленных негодяев, и вежливо выпроводили Турды прочь.

— Тутешние фраера до того борзые — удержу нет! — пожаловался он своему подручному — Малому. — Еще толком перетереть не успели, а они уже поправлять меня мылятся. «Тебя поправят!..» Обморзели, отморозки, — я прямо не знаю! Ну ничего — я им устрою...

Предводитель местных бандитов — Улюм — появление ново-явленного пахана встретил без должного почтения и разговаривал с ним самым неподобающим образом.

— Какой общак, братуха? Ты че, в натуре, ханки объелся?! Вы у нас хашнули три с полтиной «лимона» баксов — это если до кризиса считать, — вот вам и взнос в общак на сто лет вперед. Ну ты прикинь — вся городская братва полгода вкальвала, да че там братва — большие люди свои «бабки» положили, что за полгода заработали... Ты прикидываешь? А Кош с одним козлом — Пес такой тут был — взяли и всех кинули. Ну какие после этого могут быть терки насчет общака? Да за такие штуки надо на месте петушить, как это у вас на зонах делают.

— За базаром не следишь, — жестко указал бандиту Турды. — Вор и козел в одной упряжке не ходят, зря ты так сказал. И я не понял — кого ты там петушить собирался? Вора?! Следи за базаром. А то ответить придется.

— Перед тобой, что ли? — Улюм посмотрел на вора тяжелым взглядом, и Турды вдруг засомневался — а правильную ли линию поведения он избрал? Нонешние бандиты на «закон» повсеместно кладут с прибором, они живут по своим понятиям, суть которых можно изложить в одной фразе: сильный всегда прав. Авторитетом здесь он пока обзавестись не успел, решил действовать нахрапом, полагаясь на всеислие титула. А титул,

как выяснилось, только тогда внушает рабопенное поклонение, когда за ним стоит конкретная сильная личность, не раз доказавшая свое могущество.

— Ладно, замнем, — буркнул вор — не пожелал обострять конфронтацию. — Я за неделю разберусь, откуда тут у вас все эти непонятки и кто на самом деле ваши «бабки» насадил. Тогда и поговорим.

— Годится, — согласился Улюм. — И я тебе сразу говорю — это не только мое слово, за моей спиной большие люди стоят: если наши «бабки» найдешь, двадцать процентов — твои. А это неплохие деньги, братуха, я тебе говорю! Даже если эти козлы... ну, ладно, не козлы — плохие люди, короче, — даже если они не успели рубли в баксы перекинуть, все равно это много будет. Двадцать процентов — это что-то около... — тут большой бан-дит неожиданно извлек из кармана калькулятор и споровисто натыкал на табло сумму. — Во, гляди — получается почти четверть «лимона». Нормально?

— Нормально, — без особого энтузиазма проронил Турды — он не раз имел дело с большими деньгами и по опыту знал, что если кто-то у кого-то отнял хороший кусок, то потом вернуть его бывает ой как трудно! — В общем, встретимся через неделю...

Но самый неприятный сюрприз преподнесла новоявленному вору своя же блатная братия — так называемая воровская община Белогорска. На первом же «столе», который Турды организовал сразу по прибытии, вредный Рома в присутствии семи авторитетов, приглашенных для знакомства, сильно опарфинил «назначенца», и при этом, как ни прискорбно, он был прав на все сто процентов.

Приглашенные сидели в тот самый люкс, за богато накрытым столом, мытарь Малой рассказывал им сказки про своего хозяина, а сам хозяин импозантно «опаздывал» — якобы ездил куда-то по делам. На самом деле Турды никуда не ездил — сидел

МЫ ВИДИМ ВСЕХ. НАС – НИКТО

в машине на подъезде к гостинице и выжидал. Расчет был так: Малой успеет просветить братию по всем аспектам, а через полчаса — когда все уже метнут по три рюмашки, во всем своем великолении явится вор и соответствующим образом будет принят.

Тут необходимо оговориться — Турды с самого начала опасался, что его появление в свете будет принято неоднозначно. Тело Коша, взорванного гранатой, спустя двое суток после происшествия было отправлено стараниями банкира в Минводы, на историческую родину вора, где он желал быть погребенным (при жизни неоднократно высказывал такую мысль). При этом никто из блатных с гробом не поехал: верный Рома и еще с десяток «бродяг» — в том числе и званые семеро авторитетов — парились в ИВС, а потом, соответственно, в СИЗО — белогорские следаки, искавшие почему-то чеченский след, пытались раскрутить их на какие-то там сенсационные признания по поводу случившегося. Остальная шладрень, помельче, залегла на дно и ждала, когда спадет волна ажиотажа.

Авторитетов расколоть не удалось — они ничего не знали, а присутствовавший при трагедии и случайно оставшийся в живых Рома талантливо уподобился той самой хрестоматийной обезьяне, которая ни хрена не видит, не знает, не слышит и говорить тоже не будет. А когда всех выпустили, было уже поздно — действо состоялось. Похороны вора в Минводах, как водится, самоорганизовались в сходняк, на котором собравшиеся паханы короновали Турды и отправили его для разбора на место происшествия.

Вот тут и начались нюансы. Турды был сравнительно молод — ему едва исполнилось тридцать лет. Он никогда не сидел в пенитенциарных учреждениях и вообще был глубоко пришлым для России типом. В родном Ташкенте он с отличием окончил университет, отслужил в армии два года лейтенантом, некоторое время являлся членом какой-то непонятной терро-